

**Кейтлин
Моран**

Кейтлин
Моран

**КАК
СТАТЬ
ЗНАМЕНИТОЙ**

Москва
2020

УДК821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М79

Caitlin Moran
HOW TO BE FAMOUS

Copyright © 2018 by Casa Bevrton, Ltd

Перевод с английского *Татьяны Покидаевой*

Художественное оформление *Елены Куликовой*

В оформлении переплета использованы фотографии:

© Matthias K, dwphotos / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Моран, Кейтлин.

М79 Как стать знаменитой / Кейтлин Моран ; [перевод с английского Т. Покидаевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-106643-7

Джоанна Морриган, известная в узких кругах как Долли Уайльд, наконец получила все, чего хотела, — ей целых девятнадцать лет, она живет в Лондоне в собственной квартире и пишет для самого отвязного музыкального журнала Британии.

А затем Джон Кайт, любовь всей ее жизни, записывает альбом, который взлетает в топы музыкальных чартов, и попадает в недостижимое для простых смертных измерение знаменитостей — мир частных вечеринок и vip-списков. У Джоанны нет пропуска в этот мир, так что она делает единственное, что может сделать уважающая себя женщина свободных нравов, не лишенная вкуса к авантюрам: она начинает писать провокационную колонку о жизни знаменитостей. Теперь и ее окружает слава, однако скоро Джоанна понимает, что за все приходится платить, — и ее расплатой за звездную жизнь может быть человек, которого она во что бы то ни стало хотела удержать рядом.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106643-7

*Посвящается Джорджи —
не только лучшему литагенту
и другу, но и лучшему из шрифтов.
Мы очень смелые, да?*

От автора

Это вымышленная история. По ходу повествования периодически появляются реальные, всамделишные музыканты и реальные, всамделишные места, но все остальное — персонажи, их действия и разговоры — это плоды моего воспаленного воображения. Как и Джоанна, я выросла в большой семье, в бедном муниципальном квартале Вулверхэмптона, и начала карьеру музыкального обозревателя и журналиста еще подростком. Но Джоанна — это не я. Ее семья, сослуживцы, знакомые и приключения — не моя семья, не мои сослуживцы, не мои знакомые и не мои приключения. Это литературное произведение, а не описание реальных событий. Повторю еще раз: это вымышленная история.

Плейлист саундтрека для этой книги
вы найдете на сайте www.caitlinmoran.co.uk

Часть первая

1

В одиннадцать лет я официально отказалась от семейной мечты.

Сколько я себя помню, наша семейная мечта была очень простой: когда-нибудь мы раздобудем денег — выиграем в лотерею, отроем на барахолке бесценный средневековый кубок или, что наименее вероятно, заработаем честным трудом — и уедем из Вулверхэмптона.

— Когда нас будут бомбить, лучше бы нам оказаться по ту сторону этих гор, — говорил папа, стоя в конце нашей улицы и указывая на далекие Черные горы за бескрайними полями Шропшира. Мы жили практически за городом. — Если будут бомбить Бирмингем, радиация не дойдет до Уэльса. Эти горы — они как стена, — добавлял он, кивая. — Там мы будем в безопасности. Сядем в фургончик, будем гнать как сумасшедшие и уже через пару часов пересечем границу.

Была середина восьмидесятых, и мы все доподлинно знали, что рано или поздно русские непременно развяжут ядерную войну против Западного Мидлендса — угроза настолько укоренилась в сознании, что Стинг даже написал об этом песню, с предупреждением, что все будет плохо. Вот почему мы готовились к самому худшему.

Мы разработали план побега. Дом нашей мечты был надежным укрытием для выживания в условиях ядерной катастрофы. С собственным автономным водоснабжени-

ем — ручьем или колодцем. С большим участком земли, чтобы мы смогли обеспечить себя продовольствием.

— Разобьем парники, обеспечим себя овощами, — говорил папа.

В доме будет огромный подвал, набитый зерном и оружием.

— Чтобы отстреливаться от грабителей и мародеров. Или чтобы застрелиться самим, — весело добавлял папа. — Если станет уже совсем тяжело.

Мы так активно его обсуждали, дом нашей мечты, что для нас он стал как бы реальным. Мы могли страстно спорить часами, кого выгоднее завести, коз или коров («Лучше коз. Коровы — капризные твари»), и как назвать наше жилище. Мама, слегка поглупевшая после многих беременностей, выступала за совершенно кошмарный «Счастливый домик». Папа стоял за то, что дом не надо никак называть.

— Не хочу, чтобы всякий мудака смог нас найти в телефонной книге. Если грянет Апокалипсис, мне вряд ли захочется с кем-то *общаться*.

Мы были бедными — и это нормально, все наши знакомые были бедными, — поэтому на Рождество мы делали друг другу подарки своими руками, и на то Рождество — Рождество 1986-го — я нарисовала в подарок родителям Дом мечты выживших в ядерной катастрофе.

Поскольку это был просто рисунок, я не ограничивала себя в средствах: во дворе рядом с домом был бассейн, а за домом — огромный фруктовый сад. Я покрасила стены в гостиной в цвет павлиньего крыла, и у каждого из детей была своя отдельная комната, из окна спальни Крисси спускалась горка — прямо в маленький луна-парк с аттракционами. Дом был просто *роскошным*.

Мама с папой рассматривали рисунок со слезами на глазах.

— Как красиво, Джоанна! — сказала мама.

— Ты, наверное, долго его рисовала, — заметил папа.

Да, действительно долго. Всю крышу сплошь покрывали феечки. На прорисовку одних только крыльев ушел не один час. Я нарисовала прожилки на каждом крыле. Я распустила, что в крыльях должны быть кровеносные сосуды. Если феи живые, у них должно быть кровообращение.

— Но где *твоя* спальня, Джоанна? — спросила мама, внимательнее присмотревшись к рисунку. — Ты забыла нарисовать свою спальню?

— Нет, — сказала я, жуя пирожок с сухофруктами. Тесто было очень жестким; мама никогда не умела готовить. Я тихо радовалась про себя, что в качестве предосторожности положила на пирожок ломтик сыра чеддер. — Я не собираюсь там жить. *Я буду жить в Лондоне.*

Мама расплакалась. Крисси пожал плечами:

— Мне достанется больше места.

Папа прочел мне целую лекцию, завершив ее так:

— Жить в большом городе — это верная смерть. Если тебя не достанут русские, то достанет ИРА. Цивилизация — это ловушка, и ядерным ветром с тебя сдует труссы!

Но меня не пугали ни русские, ни ИРА. Пусть бомбят Лондон, сколько хотят, я все равно не поеду жить в горы, где только козы и дождь. Даже если весь Лондон насквозь пропитается радиацией и мне придется жить среди мутантов и неминуемо умереть, все равно это город как раз для меня. Именно в Лондоне все происходит, и мне тоже хотелось *произойти*.

И вот мне девятнадцать, я живу в Лондоне — и это и вправду *мой* город. Я оказалась права. Я очень правильно сделала, что переехала в Лондон.

Я переехала год назад, поселилась на съемной квартире в Камдене и продолжила свою карьеру музыкального журналиста. С собой я привезла три больших пластиковых мешка одежды, телевизор, ноутбук, собаку, пепельницу, зажигалку в виде пистолета и шляпу-цилиндр. Это было все мое имущество. А больше мне ничего и не нужно.

Лондон снабдит тебя всем остальным — даже тем, о чем ты не думала и не мечтала. Например, я живу так близко от Лондонского зоопарка, что по ночам слышу, как сношаются львы. Они ревут так, словно хотят, чтобы весь город знал об их выдающейся сексуальности. Мне это знакомо. Мне самой хочется, чтобы весь город знал о *моей* выдающейся сексуальности. Это еще одна неожиданная приятность от Лондона: комната, смежная с восхитительно сладострастными львами. В Вулверхэмптоне такого нет. Но есть и свой минус: восхитительно сладострастные львы очень нервируют мою собаку. Она лает и лает, и умолкает только тогда, когда я заказываю пиццу с фрикадельками. Фрикадельки я отдаю собаке, а сама ем тесто и сыр. Мы с собакой — отличная команда. Она мой лучший друг.

Если принять собаку за лошадь — кстати, это легко: она очень большая, — то я живу прямо как Пеппи Длинныйчулок, только с рок-музыкой и крепкими спиртными напитками. Когда тебе восемнадцать и ты живешь в большом городе совсем одна — не считая домашнего питомца, — ты как бы участвуешь во взрослых делах, сохраняя видение ребенка.

Я три дня красила стены в квартире в цвет электрик — синий с серым отливом, — потому что комната Дэвида Боуи в песне «Звук и картинка» была точно такого же цвета. Если кто-то способен дать дельный совет по оформлению интерьера, то это именно Дэвид Боуи.

Я попыталась нарисовать на стене белые облака — чтобы комната стала *небесной*, — но оказалось, что рисовать облака белой эмульсионкой на удивление сложно. Они больше похожи на незаполненные облачка с текстом в комиксах. Стена — сплошное пустое пространство под значимые высказывания, которые я еще не составила. Так всегда и бывает, когда тебе девятнадцать. Ты не знаешь своих памятных изречений. Ты их еще даже не произнесла.

Когда у меня есть деньги, я ем на завтрак спагетти под соусом болоньезе, которые беру навынос в местной заку-

сочной. Это самое вкусное лакомство, а дети всегда покупают себе то, что вкусно. Когда денег нет, я питаюсь печеной картошкой. Потому что она тоже вкусная.

Я сплю до полудня, потом ухожу и возвращаюсь домой ближе к трем часам ночи и перед тем, как лечь спать, принимаю ванну. Потому что могу. Я никого не разбужу. Каждая из этих ванн доставляет мне истинное удовольствие. Ты сбегаешь из дома родителей, чтобы принимать ванны посреди ночи. Вот она, подлинная независимость.

Мне постоянно отключают телефон, потому что я забываю оплачивать счет — счета приходят так часто! Кто вскрывает конверты сразу, по мере их появления в почтовом ящике? Только скучные серые обыватели! Когда телефон отключают, народ звонит в мой местный паб «Свои люди» и оставляет для меня сообщения. Бармена это бесит.

— Я не твой личный, блядь, секретарь, — говорит он, передавая мне кучу записок, когда я вместе с собакой захожу в паб выпить пива.

Я отвечаю:

— Да, Кит. Я знаю. Можно воспользоваться телефоном? Мне надо перезвонить по поводу самых срочных звонков. Меня приглашают в Мадрид, брать интервью у Beastie Boys!

Кит вздыхает и передает мне телефон через барную стойку, потому что так поступают все ответственные взрослые люди, когда одинокому подростку требуется позвонить. Ребенка растит вся деревня!

Грязную одежду я бросаю прямо на пол. Зачем тратить деньги на бельевую корзину, когда их можно потратить на курицу-гриль и сигареты?! Один раз в месяц, когда вся одежда перебирается на пол, я сгребаю ее в рюкзак и иду в прачечную-автомат. Один из Влуг пользуется той же прачечной. Приятно ходить в ту же прачечную, в которую ходит настоящая рок-звезда. Мы молча киваем друг другу и читаем музыкальную прессу, периодически выбегая на улицу покурить. Однажды я наблюдала, как он читал пло-

хой отзыв на Blur, пока у него стиралось белье. Я ни разу не видела, чтобы человек так печально перекладывал свое исподнее из стиральной машины в сушилку. Нелегко сочетать звездный статус с повседневной домашней рутинной. Дисгармония удручает. Грейс Келли никогда не приходилось прочищать засорившийся фильтр сушильного автомата, параллельно переживая из-за разгромной статьи Полин Кейл.

Я прихожу к мысли, что Лондон — это не просто такое место, где ты живешь. Лондон — это игра. Слот-машина, увеличительное стекло, алхимический тигель. Британия — слегка наклоненный стол, и вся мелочь сыпается к Лондону, *мы* и есть эта мелочь. *Я* и есть мелочь. Лондон — игровой автомат, ты опускаешь в прорезь монетку — *себя* — и надеешься, что на барабанах выпадут все вишенки.

Ты не *живешь* в Лондоне. Ты *играешь* в Лондон — чтобы выиграть. Вот почему мы все стремимся сюда. Это город отчаянных игроков, и каждый надеется выиграть хоть один из миллиона призов: славу, богатство, любовь. Вдохновение.

Я оклеила стену страницами из путеводителя «Лондон от А до Я». Я смотрю на Лондон и пытаюсь запомнить все его закоулки и переулки. Если отступить от стены на четыре шага и встать, прижимаясь к комоду, то сеть лондонских улиц будет похожа на системную плату компьютера. Люди — текущее сквозь нее электричество. В точках, где мы встречаемся и вступаем во взаимодействие, рождаются идеи, решаются проблемы и создаются новые проекты. Все извергается и бурлит. Я, печальный музыкант из Blur и шесть миллионов других людей — мы пытаемся образовать новые связи. Установить новые соединения — каждый в меру своих скромных сил. Таково предназначение столицы: изобретать варианты возможного будущего и предлагать их миру. «Мы будем *такими*? Или *такими*? Будем *так* говорить, будем *так* одеваться — мы можем стать кем угодно. Если захотим».

Мы торгуем грядущим и пытаемся представить *наше* грядущее наиболее соблазнительным и заманчивым. Потому что секрет каждого, кто приезжает в Лондон — кто приезжает в любой большой город, — очень прост: мы стремимся сюда, потому что не чувствуем себя нормальными дома. Единственный способ почувствовать себя нормальным — заразить поп-культуру своей собственной странностью, подключиться к общей микросхеме и — используя эйфорические стимуляторы в виде музыки, образов, слов или моды — заставить весь мир захотеть стать таким же ненормальным, как ты. Мы ищем пути, как пробиться наверх. Стать вдохновляющей рок-звездой или известным писателем. Заставить весь мир захотеть выкрасить стены в цвет электрик... Потому что так им подсказала красивая песня. Я хочу, чтобы что-то *происходило* и моими стараниями тоже.

2

Я пытаюсь объяснить все это Крисси в августе 1994-го. Крисси сидит на диване в моей камденской квартире и не въезжает в мои объяснения по ряду причин: (1) он ненавидит Лондон, потому что (2) любит Манчестер, где сейчас учится в универе, и (3) он укурен по самые уши, потому что (4) за последние два часа они с папой скурили почти половину большого пакета травы.

Крисси с папой приехали ко мне в Лондон, потому что сегодня в «Астории» будет концерт Oasis.

В любое другое время я бы искренне удивилась, что Крисси с папой хотят попасть на концерт группы вроде Oasis. Они недостаточно джазовые для папы, который так часто упоминал Чарли Паркера в разговорах, что до двенадцати лет я была абсолютно уверена, что это его собутыльник из паба — имя и вправду похоже на имя простого рабочего парня со склада в хозяйственном супермар-